

Готхольд-Эфраим Лессинг «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии» (1776).

Пер. Е.Н. Эдельсона, с. 200-206

Поэт заботится не только о том, чтобы быть понятным, изображения его должны быть не только ясны и отчетливы, — этим удовлетворяется и прозаик. Поэт хочет сделать идеи, которые он возбуждает в нас, настолько живыми, чтобы мы воображали, будто получаем действительно чувственное представление об изображаемых предметах, и в то же время совершенно забывали об употребленном для этого средстве — слове... Повторяю еще раз: я нисколько не отрицаю за речью вообще способности изображать какое-либо материальное целое по частям; речь имеет к тому возможности, ибо хотя речевые знаки и могут располагаться лишь во временной последовательности, они являются, однако, знаками произвольными; но я отрицаю эту способность за речью как за средством поэзии, ибо всякое изображение материальных предметов при помощи слова нарушает ту иллюзию, создание которой составляет одну из главных задач поэзии... Описания материальных предметов, исключенные из области поэзии, вполне уместны поэтому там, где нет и речи о поэтической иллюзии, где писатель обращается лишь к рассудку читателей и имеет дело лишь с ясными и по возможности полными понятиями

Вильгельм фон Гумбольдт. «О сравнительном изучении языков...» (1843)

13. Язык следует рассматривать, по моему глубокому убеждению, как непосредственно заложенный в человеке, ибо сознательным творением человеческого разума язык объяснить невозможно. Мы ничего не достигнем, если при этом отодвинем создание языка на многие тысячелетия назад. Язык невозможно было бы придумать, если бы его образ не был уже заложен в человеческом разуме. Для того чтобы человек мог понять хотя бы одно-единственное слово не просто как душевное побуждение, а как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и во всех своих связях уже должен быть заложен в нем. В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого. Каким бы естественным ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу. Человек есть человек только благодаря языку; а для того чтобы создать язык, он уже должен быть человеком. Когда предполагают, что этот процесс происходил постепенно, последовательно и вместе с тем неравномерно, что с каждой новой частью обретенного языка человек все больше становился человеком и, совершенствуясь таким образом, мог снова придумывать новые элементы языка, то забывают о неотделимости сознания человека от языка, о природе мыслительных процессов, необходимых для восприятия отдельного слова и вместе с тем достаточных для понимания всего языка. Поэтому язык невозможно представить себе как нечто заранее данное, ибо в таком случае совершенно непостижимо, каким образом человек мог понять эту данность и заставить ее служить себе. Язык, безусловно, возникает из человека и, конечно, мало-помалу, но так, что организм языка не лежит мертвым грузом в потемках души, а является законом, обуславливающим мыслительную функцию человека, **поэтому первое слово уже определяет и предполагает существование всего языка...** Сущность создания языка заключается не столько в установлении иерархии бесконечного множества взаимосвязанных отношений, сколько в непостижимой глубине простейших мыслительных актов, которые необходимы для понимания и воспроизведения даже единичных языковых элементов.

18. Слово, которое одно способно сделать понятие отдельной единицей в мире мыслей, прибавляет к нему многое от себя. Идея, приобретая благодаря слову определенность, вводится одновременно в известные границы. Из звуков слова, его близости с другими сходными по значению словами, из сохраняющегося в нем, хотя и переносимого на новые предметы, понятия и из его побочных отношений к ощущению и восприятию создается

определенное впечатление, которое, становясь привычным, приносит новый момент в индивидуализацию самого по себе менее определенного, но и более свободного понятия. Ибо с каждым значимым словом соединяются все вновь и вновь вызываемые им чувства, произвольно возбуждаемые образы и представления, и различные слова сохраняют друг к другу отношения в той мере, в какой воздействуют друг на друга. Так же как слово возбуждает представление о предмете, оно вызывает, хотя часто и незаметно, восприятие, одновременно соответствующее своей природе и природе предмета, и непрерывный ход мыслей человека сопровождается такой же непрерывной последовательностью восприятий, которые определяются представляемыми предметами согласно природе слов и языка. Предмет, появлению которого в сознании всякий раз сопутствует такое индивидуализированное языком, постоянно повторяющееся впечатление, тем самым представляется в модифицированном виде. В отдельном это мало заметно, но власть влияния в целом основана на соразмерности и постоянной повторяемости впечатления. Ибо оттого, что характер языка запечатлен в каждом выражении и каждом соединении выражений, вся масса представлений получает свойственный языку колорит....

Нельзя себе представить, чтобы создание языка начиналось с обозначения словами предметов, а затем уже происходило соединение слов. В действительности речь строится не из предшествующих ей слов, а, наоборот, слова возникают из речи. Но слова оказываются возможным выделить даже и в самой грубой и неупорядоченной речи, так как словообразование составляет существенную потребность речи. Слово образует границу, вплоть до которой язык в своем созидательном процессе действует самостоятельно. Простое слово подобно совершенному и возникшему из языка цветку. Словом язык завершает свое созидание. Для предложения и речи язык устанавливает только регулирующие схемы, предоставляя индивидуальное оформление их произволу говорящего.

Гуго фон Гофмансталь. «Письмо лорда Чендоса» (1902)

Сначала мало-помалу я сделался неспособен рассуждать на высокие либо отвлеченные темы и пользоваться при этом словами, которые не задумываясь, по десятку раз на дню произносит всякий. Я испытывал необъяснимое раздражение от одного произнесения слов «идеал», «душа», «тело». Что-то внутри меня мешало мне высказываться о делах при дворе, прениях в парламенте или о чем-либо подобном... просто абстрактные слова, какими неизбежно пользуется человек, высказывая то или иное суждение, у меня на языке распались, как под ногой рассыпаются перестоялые грибы...

Все в этих словах казалось мне недоказуемым, натянутым, легковесным до крайности. Мой ум заставлял меня рассматривать всякий предмет... в чудовищных подробностях... Мой взор уже не мог упрощать их, как велит нам привычка. Все распалось у меня на части, эти части — снова на части, и никакое понятие не могло скрепить их. Вокруг меня было море отдельных слов, они сворачивались в студенистые комочки глаз, упорно глядевших на меня, а я вглядывался в них: они были как воронки водоворота, глядя в которые ощущаешь дурноту, а они все кружатся и кружатся, и за ними — пустота...

Мне будет нелегко объяснить Вам, в чем заключаются эти мгновения, слова снова не идут ко мне. Ибо в такие моменты мне объявляется нечто совершенно не поддающееся обозначению, а возможно, и не терпящее никакого обозначения, и изливается, как в сосуд, в какую-нибудь обыденную мелочь бьющим через край током высшей жизни... Этим сосудом откровения может стать все: забытая лейка, брошенная на пашне борона, собака, греющаяся на солнце, убогое кладбище, калек, крестьянская хижина — каждый из этих предметов, как и тысячи прочих им подобных, мимо которых взгляд обычно скользит с

будничным равнодушием, в какой-то момент, приблизить который я не властен, внезапно может принять возвышенный и трогательный облик; наша речь слишком бедна, чтобы описать его...

Причина эта в том, что язык, на котором мне, быть может, было бы дано не только писать, но и мыслить, — не латинский, не английский, не итальянский или испанский, это язык, слова коего мне неведомы: на нем говорят со мной немые вещи и на нем, должно быть, некогда по ту сторону могилы мне предстоит дать ответ неведомому Судье.

В. Шкловский. «Воскрешение слова» (1914)

Древнейшим поэтическим творчеством человека было творчество слов. Сейчас слова мертвы, и язык подобен кладбищу, но только что рожденное слово было живо, образно. Всякое слово в основе – троп. Например, месяц: первоначальное значение этого слова – «меритель»; горе и печаль – это то, что жжет и палит... Таких примеров можно привести столько же, сколько слов в языке. И часто, когда добираться до теперь уже потерянного, стертого образа, положенного некогда в основу слова, то поражаешься красотой его – красотой, которая была и которой уже нет. Слова, употребляясь нашим мышлением вместо общих понятий, когда они служат, так сказать, алгебраическими знаками и должны быть безобразными, употребляясь в обыденной речи, когда они не договариваются и не дослушиваются, – стали привычными, и их внутренняя (образная) и внешняя (звуковая) формы перестали переживаться. Мы не переживаем привычное, не видим его, а узнаем. Мы не видим стен наших комнат, нам так трудно увидеть опечатку в корректуре, особенно если она написана на хорошо знакомом языке, потому что мы не можем заставить себя увидеть, прочесть, а не «узнать» привычное слово.

Осип Мандельштам

«Слово и культура» (1921)

Разве вещь хозяин слова? Слово — Психея. Живое слово не обозначает предмета, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но незабытого тела.

«Разговор о Данте» (1933)

Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку. Произнося «солнце», мы совершаем как бы огромное путешествие, к которому настолько привыкли, что едем во сне. Поэзия тем и отличается от автоматической речи, что будит нас и встряхивает на середине слова. Тогда оно оказывается гораздо длиннее, чем мы думали, и мы припоминаем, что говорить — значит всегда находиться в дороге.

«О природе слова» (1922)

Как же быть с прикреплением слова к его значению; неужели это крепостная зависимость? Ведь слово не вещь. Его значимость нисколько не перевод его самого. На самом деле никогда не было так, чтобы кто-нибудь крестил вещь, назвал ее придуманным именем.

Самое удобное и в научном смысле правильное — рассматривать слово как образ, то есть словесное представление. Этим путем устраняется вопрос о форме и содержании, буде фонетика — форма, все остальное — содержание. Устраняется вопрос о том, что первичная значимость: слово или его звучащая природа? Словесное представление, сложный комплекс явлений, связь, «система». Значимость слова можно рассматривать как свечу, горящую изнутри в бумажном фонаре, и, наоборот: звуковое представление, так называемая фонема, может быть помещена внутри значимости, как та же самая свеча в том же самом фонаре.

Людвиг Витгенштейн. «Логико-философский трактат» (1921)

4.002. Человек обладает способностью строить речь, при помощи которой дает себя проявить любой Смысл без того, чтобы иметь какое-то представление о том, как и что обозначает каждое слово. — Подобно тому как мы говорим, не зная, как порождаются отдельные звуки.

Разговорная речь является частью человеческого организма, не менее сложной, чем он сам.

Для человека невозможно непосредственно вывести логику речи из нее самой. Речь маскирует мысль. И так, что по внешней форме этой маскировки нельзя заключить о форме замаскированной мысли; поскольку внешняя форма маскировки вовсе не имеет целью выявить форму тела. Молчаливые сделки для понимания разговорной речи чрезмерно усложнены.

5.6 Границы моей речи указывают на границы моего Мира.